

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ЖИТЕНЁВ: «Я НЕ ВЕРЮ В РАЦИОНАЛИСТОВ»

Филологический факультет ВГУ – один из старейших факультетов университета – был основан в 1918 году. До 1960 года факультет функционировал в структуре историко-филологического факультета, с 1960 года как самостоятельный факультет, от которого впоследствии отделились факультет романо-германской филологии и факультет журналистики. Но прошло время, и сегодня по всей стране идет активное сокращение бюджетных мест на филологических факультетах, а в обществе бытует мнение, что с филологическим образованием не так просто найти работу. О современных проблемах развития филологии и других гуманитарных наук, а также о работе и творчестве мы побеседовали с доктором филологических наук, доцентом кафедры гуманитарных наук и искусств Александром Житеневым.

– Сегодня профессия филолога не слишком популярна среди молодежи. Вы достаточно молоды, но все-таки выбрали этот путь. Почему?

– Я уверен, что в выборе профессии человек может и должен руководствоваться не только прагматическими интересами, но и сердечной склонностью. При достаточном уме любое занятие может обеспечить достаток. Выбирая профессию, я ориентировался на то, что мне было интересно, а интересно мне всегда была литература и научная работа. В этом плане мой путь, конечно, не универсальный, но человек интересен тем, что его отличает от других.

И я бы не согласился, что филология совсем уж оторванная от жизни область. Это стереотип, не более того. Современный филолог – это не только преподаватель средней школы. У выпускников филфака сегодня есть много возможностей для самореализации: это и книгоиздание, и работа в пресс-службах, и журналистика. Сегодня у нас на факультете есть множество частных специализаций, ряд прикладных магистерских программ. Круг знаний и навыков в нашей профессии расширяется, и это помогает

человеку не остаться без работы и стать востребованным специалистом.

– А все-таки, есть ли студенты, которые, несмотря на бурное развитие прикладных направлений, хотят работать в школе?

– Конечно, есть. Они изначально на это мотивированы, и в дальнейшем идут в школу не потому, что их принуждают к этому обстоятельства, а потому, что есть желание и готовность работать. Среди наших выпускников есть много преподавателей, которые успешно работают в школе и поддерживают связь с факультетом.

И вот что интересно. Бывает, студенты не хотят идти в школу на практику. Однако, оказавшись там, многие из них меняются. Они себя перебарывают, учатся находить контакты и в итоге начинают получать удовольствие от общения. Многие из ребят приходят с практики воодушевленными, и у них возникает вопрос: а почему бы вообще этим не заняться? Хотя, безусловно, есть и те, кто по-прежнему категорически не желает идти в школу, не принимает эту профессию вообще. Это уже дело личного выбора.

– Но на этот выбор часто сильно влияет общественное мнение, а в последнее время у нас гуманитариев не очень жалуют. Как Вы считаете, может, действительно, пришло время естественных наук, а гуманитарии уже не нужны?

– Любое государство по-своему расставляет приоритеты. Сегодня для нашего общества главная задача – это развитие экономики и наук, которые способствуют ее продвижению вперед. Наука должна немедленно давать видимый результат, желателен имеющий внятный коммерческий потенциал. Гуманитарные науки, дающие результат спустя время и часто опосредованно, не вписываются в этот набор ожиданий. И в обществе формируется мнение, что естественные науки нам нужны, а гуманитарные почти бесполезны. Это определяет престиж профессий, набор на факультеты, расстановку приоритетов в распределении средств на развитие различных областей знаний. А между тем владение словом – это ценность, имеющая абсолютное значение, и ее нужно сохранить. Когда-нибудь это станет очевидно, и будет сделан шаг назад. Уже сегодня есть многочисленные примеры безграмотности, но просто мы еще не дошли до той критической точки, когда она будет шокировать. Переоценка роли гуманитарных наук неизбежна еще и потому, что строительство самого себя не единственная цель государства. Оно также не может существовать без комплекса ценностей, который объединяет и скрепляет общество. Роль гуманитариев и всех тех, кто причастен к культурному производству, здесь чрезвычайно велика. Но не все пока понимают, насколько это важно. Как в этой ситуации жить и что делать? Ответ прост. Если ты понимаешь, что твой труд важен, что ты выполняешь миссию, то остаешься в профессии, несмотря на внешние обстоятельства.

– А как Вы осознали, что филология – Ваша миссия, были ли у Вас сложности в выборе вуза?

– Если я и колебался в выборе профессии, то только между искусствоведением и филологией. Но искусствоведения у нас не было ни в одном вузе, и я не стал переезжать в Москву или в Санкт-Петербург, решив поступить на филфак ВГУ, и не пожалел об этом. Никаких трудностей не было, я ведь действительно этим интересовался. Не только этим, конечно. Ну а дальше нужно было сосредоточиться на своем деле, научиться этим как следует заниматься, что я и постарался сделать.

– Вы являетесь главным образом специалистом в области поэзии. Кто из поэтов произвел на вас наибольшее впечатление?

– В разные годы это были разные люди. В первые годы учебы в университете это был Бродский, на то время приходится его бешеная популярность. Потом – Елена Шварц, замечательная питерская поэтесса, затем это была Елена Фанайлова, связанная с нашим родным городом. Мои вкусы сильно менялись: поэты очень разные, объединить их нельзя, они абсолютно непохожи.

– Много ли на Вашем факультете студентов, которые осознают, зачем пришли сюда, действительно увлечены своим делом так же, как и Вы?

– Да, нам, к счастью, везет с такими. Ничего более ценного не бывает, чем искренняя увлеченность. Твердая цель появляется, когда человек открывает в себе талант, и чувствует долг перед ним, чувствует, что он обязан его воплотить, реализовать. Есть бесконечно талантливые ребята, которые помимо учебы и чтения книг могут заниматься фотографией, живописью, вокалом, и это замечательно. Молодые люди должны быть яркими, должны постоянно искать в себе что-то новое. Если человек знает с самого начала, чего хочет, стало быть, с ним что-то не так. Я не верю в таких сугубых рационалистов.

– А многие из них сами что-то пишут?

– Филфак – творческий факультет, и у нас, конечно, есть такие, но не хочу сказать, что это каждый второй. Часто ребята пишут, не всегда желая это афишировать, хотя рано или поздно это обычно обнаруживается. Для многих это увлечение юности, средство выразить свои эмоции. У нас есть и прозаики, и поэты, есть люди, которые работают с музыкальными группами.

– У таких талантливых ребят, наверно, легко получается писать или все-таки бывают сложности?

– У всех по-разному. Нельзя забывать, что создание произведения – это не только порыв вдохновения, но и работа. Кому-то текст дается легко, а кому-то приходится его бесконечно переписывать. Я, если мне приносят какие-то вещи, стараюсь научить смотреть пишущего на собственный текст глазами чужого человека, видеть в нем удачные моменты и ошибки, слова, которые стоят не на месте. А дальше человек сам уже принимает решение: что с этим делать и нужно ли что-то делать вообще. Это его право. Самое главное – научить студента чувствовать то, что он сделал сам. А дальше у него все получается без какой-либо посторонней помощи.

Беседовала Ирина Якубова